

Н.Н. ЦВЕТАЕВА

ЦЕННОСТИ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТ РОМАНТИЗМА К ПРАГМАТИЗМУ

ЦВЕТАЕВА Нина Николаевна - научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Одну из возможностей увидеть происходящие сегодня в ценностном настрое российского общества перемены дает метод изучения таких источников социального знания, как "человеческие документы" - дневники, истории жизни, переписка и т.п. [1,2]. Раскрывая социальную вариативность и множественность культурных и языковых практик, многообразие форм и степеней субъектности, "человеческие документы" позволяют увидеть локальный уровень социальных представлений и способов конструирования мира и тем самым прояснить связи между разными слоями ценностного сознания, представлениями о повседневной жизни и тем или иным идеологизированным дискурсом. Это особенно важно сегодня, в новой культурной и познавательной ситуации, когда признается релятивизация ценностных систем, "кризис легитимации" (Хабермас), недоверие к "большим нарративам" (Лиотар) и другие диагнозы современности, демонстрирующие локальные формы бытования ценностей.

Работа с человеческими документами является методом качественного исследования и не предполагает статистических обобщений. Она направлена на то, чтобы расширить диапазон видения того, как происходит смена языковых клише и стереотипов восприятия и, в целом, как складывается логика практики, логика культуры общества. Для происходящих в российском обществе перемен тем более важно уйти от вторичных идеализаций и привычных схем объяснений, от "взгляда сверху", обусловленного привилегированной социальной позицией интеллектуала (Бурдьё), увидеть процесс кристаллизации нового ценностного порядка не с экспертной точки зрения, а в контексте историй жизни людей.

В статье представлены некоторые результаты изучения биографических материалов участников конкурса "Жить в эпоху перемен", проведенного осенью 2000 г. Биографическим Фондом Социологического института РАН среди жителей Санкт-Петербурга¹. Девиз и тематика конкурса ориентировали респондентов на описание историй их жизни с особым вниманием к последнему десятилетию XX века, принесшему российскому обществу радикальные перемены. Получено около 100 биографических рассказов, анализ которых дал возможность представить картину некоторых изменений в ценностном настрое общества за это время. Наиболее рельефно эти изменения обнаруживает сравнение биографий двух групп участников конкурса - самых старших и самых младших - тех, кому во время проведения конкурса было за 60 и не более 27 лет.

"Смотрю природу и искусство чистое!". Как и следовало ожидать, биографические рассказы участников конкурса старшего возраста иллюстрируют привычный для этого поколения ценностный порядок советской эпохи с декларированным приоритетом ценностей "высокой" культуры и духовности над ценностями материальными. Это проявляется, когда в качестве альтернативы материальным трудностям адаптации к переменам респонденты называют *"духовную сторону жизни"*, *"любовь к природе и чистому искусству"*, стараются *"забыть материальную неустроенность, посещая филармонию и читая книги"*, кланяются *"нашей культуре - театрам, музеям, концертам"*, видят *"ценность жизни не в покупке нового ТВ, а в дружной и любящей семье"*. Конечно, противопоставление духовных и материальных цен-

Биографический Фонд в секторе социально-культурных изменений Социологического института РАН был создан в 1989 г. В настоящее время он насчитывает около 600 биографических материалов представителей всех слоев общества. Фонд составляют биографические дневники, интервью и материалы биографических конкурсов 13, с. 71-73].

ностей довольно условно. Нельзя не согласиться с А. Туреном, что в каждом из нас есть какая-то часть, которая играет по правилам инструментальной рациональности, и другая часть, которая закрыта и подавляется ею - культурные корни, личностная идентичность, сексуальность, игра воображения [4, с. 11]. Тем не менее, в историях эти фразы не выглядят как лукавство "простого советского человека", который демонстрирует одни ценности, а живет другими [5]. В "эпоху перемен", когда иерархия ценностей принципиально меняется, они говорят скорее о "рассогласованном габитусе", поскольку условия, продуктом которых он является, отличаются от условий, в которых он должен функционировать [6, с. 162]. Тем более что речь идет о людях старшего возраста, которым, как известно, трудно менять привычные категории восприятия и оценивания действительности. Кроме того, в этой приверженности духовным ценностям читается традиционная ментальность России, повышенная идеологизированность сознания, отмеченная еще во времена "Вех" и обнаруживаемая сегодня даже у тех, кто придерживается либеральных взглядов [7, с. 88]. Другой вопрос, что такого рода идеализм, чуждый соображениям личного благополучия, можно рассматривать как результат российских "волн Просвещения", просветительских тактик, а не экономических процессов [8, с. 55]. Иначе говоря, он не свидетельствует о переносе акцента в жизни человека от "материалистических" ценностей к ценностям "постматериальным", как это отмечается в современных развитых обществах [9]. И, возможно, в том, что он не имеет экономического основания, разгадка его парадоксальной притягательности для старших поколений, в основном живших в условиях недостатка материальных благ и заполнявших брешь в так называемых смыслозачиненных ориентациях единственно возможными для них "высшими" ценностями. Тогда тем более этот идеализм можно назвать квазипостматериализмом, идеологическим конструктом, "привитым воображением" [10] и тем самым объяснить, в частности, почему устремленность респондентов к "высшим" ценностям спокойно уживается в нарративах с противоречиями и незрелостью их гражданского сознания [11].

"Не вписываемся мы в рыночные отношения...". Автобиографии участников конкурса старшего возраста говорят и о том, что приверженность ценностному порядку прежней эпохи определяется не только самобытной ментальностью и возрастом респондентов. Она вызвана разочарованием в происшедших переменах и является своего рода защитной реакцией, желанием сохранить смысловую целостность жизни. Очень остро это разочарование обнаруживается в жизнеописаниях образованных респондентов. Для большинства из них статусные ценности (престиж образования и профессии), завоеванные в прежнюю эпоху, оказываются более значимыми, нежели рыночные, и они часто считают *унизительным* для себя быть прагматичными, поступаться этими ценностями ради денег. Вот как об этом говорит одна из участниц конкурса, пенсионерка, бывший ведущий инженер Кировского завода. Ж. 1940 г.р.: *"В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например, у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унизительно для меня"*.

Рассказы иллюстрируют также, что даже те из респондентов, кто не проявлял особой щепетильности в попытках адаптироваться к переменам, часто сталкивались с проблемой тщетности собственных усилий для поддержания прежнего статуса, не говоря уже о серьезных социальных достижениях. Анализ этих попыток говорит о том, что потенциал декларируемых сегодня ценностей либеральной культуры (прежде всего - мотивации достижения как одной из основных) наталкивается на ряд ограничений. Возможности социально продуктивного поведения, которые обнаружили в меняющемся российском обществе, оказались очень сушеженными и поставили перед многими из них вопрос о "цене" достижения - зачем *"вкалывать"*. Ж. 1940 г.р.: *"Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах - нет. Т.е. вкалывай как лошадь или не вкалывай, а в другой социальный слой не перейдешь"*.

Наиболее серьезным ограничением для ценностной адаптации к переменам многих респондентов этого возраста оказывается необходимость нарушать привычные нормы и моральные запреты, так как сегодня потенциал самостоятельности и активности реализуется (причем, часто вынужденно) в неправовом институциональном пространстве, означающем доминирование неформальных "правил игры" над формальными [12]. В этом пространстве, как известно, в выигрыше оказываются часто не те, кто склонен к честной игре. В результате да-

же имеющие востребованные сегодня профессии люди, активно принявшие перемены, но не желающие нарушать эти нормы и запреты, приходят к такому выводу, как этот участник конкурса - инженер-изобретатель. М. 1933 г.р.: *"В общем, не вписываемся мы в рыночные отношения, если первым делом - "баксы", а все остальное - в т.ч. и реальное дело - потом"*.

"Жить в отсеке сегодняшнего дня...". В нарративах молодых участников конкурса отчет-

ливо читается, что они легче, чем старшие, *"вписываются в рыночные отношения"*. И хотя в написанных ими историях жизни еще можно найти романтические формулы, напоминающие идеализм старших (например, когда они говорят о ценности дружбы и любви или, по выражению одной из них, *"до сих пор верят в эту скучную фразу - "не в деньгах счастье" и даже про "рай в шалаше"*»), проблема противопоставления материальных и духовных ценностей для них уже не стоит. Можно даже утверждать, что их рассказы упорядочивает новая логика, в которой на смену романтизированным советской эпохой "высшим" ценностям приходит жизнь "без идеологии", больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу моральных принципов. Об этом свидетельствует общий фон отношения молодых участников конкурса к "эпохе перемен". Он характеризуется тем, что жизнь для них сегодня стала более откровенной, менее прогнозируемой или, если использовать часто употребляемое ими выражение, *нескучной*. Они открыто (иногда даже цинично) говорят о своих материальных интересах, что было немислимо для их родителей. Можно ли, например, предоставить, чтобы в советскую эпоху кто-то, будучи в возрасте двадцати с небольшим лет, говорил о том, что нашел себе *"через газету немолодого друга с достатком"* и тем самым решил материальные проблемы, или о том, что *"деньги лишними не бывают и все-таки стыдно быть бедным"*. В этих высказываниях читается не только изменение прежнего ценностного порядка, легализовавшее прагматичное отношение к жизни. Очевидно, что этот прагматизм выглядит как-то упрощенно. Найти объяснение этому можно не только в том факте, что молодежь в силу отсутствия у нее исторической памяти во все времена является носителем упрощающих тенденций [13]. Скорее упрощенный прагматизм и соответствующие представления о новом ценностном порядке - результат не столько молодости респондентов, сколько жестких реалий жизни российского общества в "эпоху перемен", того самого доминирования неформальных правил игры над формальными, которое, как мы видели, затрудняет ценностную адаптацию и старших по возрасту. Вот как выглядят эти реалии и новый ценностный порядок в восприятии одной из молодых участниц конкурса. Ж. 1975 г.р.: *"Эпоха перемен мне видится прежде всего в том, что нарушен привычный сценарий жизни людей. Раньше было примерно так: ясли - сад - школа - институт - брак - накопления - дети. В общем, планировать можно было на срок от 5 до 25 лет вперед. А сейчас, в период катаклизмов, нам рекомендуют "жить в отсеке сегодняшнего дня". А люди-то полуграмотные. Они все понимают буквально: надо пропить деньги сегодня, а то завтра их не будет. Чтобы не работать, нужно найти богатого спонсора. Или забеременеть от кого попало и шантажнуть"*. Иными словами, жесткие реалии "эпохи перемен" оставляют мало места для романтизма и идеализма и рождают упрощенные представления о новом ценностном порядке. Этот порядок воспринимается как необходимость *"жить в отсеке сегодняшнего дня"*, т.е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не затрудняясь моральными оценками. Судя по описаниям своей жизни, участники конкурса старшего возраста пытаются защищаться от этой необходимости привычными формулами высокой культуры и духовности, в то время как молодые воспринимают ее как естественный порядок, не подвергая сомнению главенствующую роль прагматичного отношения к жизни, диктуемого ею.

"Я реально оцениваю свои силы...". К реалиям жизни *"в отсеке сегодняшнего дня"*, определяющим прагматичный настрой молодых участников конкурса, можно добавить и такие социальные факты, как падение престижа интеллигенции и появление других субъектов со своими ценностями [14], коммерциализацию института образования, усилившуюся и "помолодевшую" социальную дифференциацию в возможностях его получения [15, 16]. Прагматичными молодых людей делают и почти легализованная возможность (скорее необходимость) сочетать учебу на дневном отделении с работой (так называемая вторичная занятость студентов), инфляционные процессы в сфере высшего образования, девальвация ряда дипломов на рынке труда, неустойчивость профессиональной карьеры дипломированных специалистов [17, с. 117]. Биографические материалы иллюстрируют многие из этих явлений. Ж. 1976 г.р.: *"Мне предлагали учебу в аспирантуре. Остановливали два момента: хотела поскорее приступить к реализации полученных знаний на практике (начав при этом, наконец, зарабатывать свои деньги) и сильно разочарование в "кухне" высшей школы..."*.

В рассказах читается и то, что сегодня уже вряд ли можно говорить о несостоятельности социальных и профессиональных ориентаций старшеклассников или о "революции притязаний" на престижные и высокооплачиваемые профессии, которую фиксировали результаты исследования молодежи Украины и России 1985-1995 гг. [18]. Очевидным становится затухание романтической лексики и переход от иллюзий к реальности. Ж. 1976 г.р.: *«Я реально оцениваю свои силы - без денег и связей поступить на "модный" факультет в государственном вузе мне, как я тогда полагала, не светило».*

Когда же молодые люди не проявляют достаточной гибкости в понимании произошедших перемен и возлагают надежды на прежние модели поведения (например, на получение высшего образования как единственный способ обретения высокого социального статуса), в их рассказах можно прочесть разочарование, следы так называемой "революции фрустрированности" [19, с. 114]. М. 1973 г.р.: *"Чтобы не сойти с ума от такой бредовой жизни, возникла не менее бредовая идея получить юридическое образование в дополнение к высшему техническому. В результате - нет никакого результата. Коммерческие институты переобучили все население на юристов. Куча дипломов и никакой специальности. По самой высшей протекции удалось устроиться оператором в котельную..."*

"Для меня наиболее существенным стал тот материальный уровень, которого я достигла..." Надо сказать и о том, что прагматичная логика историй жизни молодых участников конкурса не всегда выглядит упрощенной. Об этом свидетельствует пример молодой женщины, которая из нерешительной и мечтательной девушки, не имевшей особых амбиций (несмотря на окончание с отличием экономического факультета в престижном вузе), превратилась в успешного профессионала. Ее превращение начинается со случайности, подтверждающей, правда, хорошо известный факт, что успешная карьера сегодня зависит не столько от диплома и знаний, сколько от случая, везения или наличия связей. Ж. 1976 г.р.: *«Я принялась за самостоятельный поиск работы. Не решаясь работать в соответствии с полученным образованием (не было профессионального опыта), я искала в газете объявления типа "требуется секретарь-референт"... И вдруг неожиданно позвонила подруга, передав предложение директора фирмы взять меня на работу, связанную с моим образованием».* Описывая результаты этой случайности и последовавшего за ней упорного труда на предложенном месте экономиста большой фирмы, она предстает вполне прагматичной, признавая *наиболее существенным для себя тот материальный уровень, которого она достигла.* Вот как это выглядит в ее рассказе: *"Зато какие результаты! Не буду говорить о профессиональных достижениях - о них пускай судят мои бывшие и будущие руководители. Для меня наиболее существенным стал материальный уровень, которого я достигла на этой работе. Наконец-то я смогла реализовать самую большую мечту моей жизни - путешествовать по самым легендарным странам".* Однако прагматичность нашей респондентки не выглядит упрощенной, как в рассказах других молодых участников конкурса. "Материальный уровень" служит возможностью реализовать мечту о путешествиях и вполне вписывается в "постматериальные" ценности - самовыражения и качества жизни [9]. Причем то, что эти ценности здесь имеют материальное основание, делает их непохожими и на "идеализм, чуждый соображениям личного благополучия" участников конкурса старшего возраста. Иными словами, прагматичность этой респондентки можно назвать конструктивной, так как она созвучна развитию мотивации достижения, признаваемой одной из основных ценностей либеральной культуры. Проблема, однако, в том, что эта конструктивная прагматичность оказалась результатом "случая".

"Научиться что-нибудь делать руками, а уже потом совершенствовать голову..." Несмотря на то, что крен в сторону прагматизма в жизнеописаниях молодых участников конкурса вполне очевиден, соотношение между романтическим настроением прошлой эпохи и прагматизмом "эпохи перемен" все же дифференцирует их ценностное сознание, представляя одних больше романтиками, других - прагматиками. Романтиками чаще предстают молодые люди из образованных семей, в той или иной степени ориентированных на культурную модель своих дисциплинированных советской эпохой родителей. Это подтверждают и результаты исследования идентичности гуманитарной интеллигенции, которые говорят о том, что в утвердившемся рефлексивном проекте - современного российского интеллигента среди традиционного набора качеств образованности, совестливости, духовности почти начисто отсутствуют составляющие успешной жизни: динамизм, признание, достижение, удачливость, карьера [20]. Когда такого рода рефлексивный проект воспроизводится молодыми представителями интеллигентной семьи, их вписывание в изменившийся ценностный порядок оказывается затрудненным. В "эпоху перемен" именно им в наибольшей степени приходится быть прагматич-

ными и корректировать наследуемые ценности. Вот как об этом пишет одна из молодых участниц конкурса, называющая свои прежние ориентиры *"ошибкой"*. Ж. 1973 г.р.: *«Почему у меня получается только про жизнь, ведь в ту пору уже всюю или перемены. Люди не только становились нищими, но и наживали капиталы. А я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться верю в эту скучную фразу: "не в деньгах счастье" и даже про "рай в шалаше"... Но сейчас мне кажется, что в этом была моя ошибка - думать только о чувствах, и что теперь, в 27 лет, карьеру сделать очень сложно, сложно даже найти работу по специальности (кому нужен экономист без опыта работы?)...»*

В свою очередь молодым людям из семей с низким социально-профессиональным статусом, как правило, не нужно учиться прагматичному отношению к жизни, и они не делают таких *"ошибок"*. В своих рассказах они демонстрируют *"глубокий реализм"* так называемого адаптивного габитуса, присущего людям из нижних страт общества [21, с. 66]. Ж. 1975 г. р.: *"Учиться я не видела необходимости, т.к. специалисты-педагоги уже не требовались, а экономистом я быть не могла - с математикой не дружу. Двоечники наши сейчас бухгалтера, а хороисты в глубинке растят детей, будучи безработными. Оценки в школе ни в коем случае не отражают уровень знаний о жизни; с высшим образованием сразу после института берут только на очень невысокий заработок как специалиста без стажа, а на что человек будет жить, никого из работодателей не волнует. Отсюда вывод: сначала научиться что-нибудь делать руками, а уже потом совершенствовать голову"*. Иными словами, истории участников конкурса отчетливо высвечивают более реалистичное видение жизни молодыми людьми из низов, которые приспосабливаются к обстоятельствам, *"выбирая необходимость"* (22, с. 141), и ориентированы на принцип реальности, а не на *"революцию"* притязаний. Тем не менее, это совсем не означает, что утрата иллюзий равенства, оставшихся от советской эпохи, дается им легко. Ж. 1976 г.р.: *"Мамы, папы занимались формированием мировоззрения своих деток, а я плыла по какому-то вольному сценарию. Когда пришло ко мне прозрение, что я пишу свою жизнь почти без участия родителей, мне стало себя жаль из зависти: кому-то оплатили престижный вуз, кому-то нашли завидного жениха, кто-то очень умный и сам всего добился. А я, как же я? А я проявила себя способной швейей..."*

"Тогда я считала это предательством. Сейчас это нормальный тест на выживание...". Прагматизм молодых участников конкурса высвечивает и еще одну проблему. Как уже говорилось, большинство из них говорит о том, что по сравнению с советским прошлым жизнь в *"эпоху перемен"* стала более откровенной, менее прогнозируемой и *нескучной*. Ж. 1976 г.р.: *"Во время социализма было скучнее, спокойнее - была уверенность в будущем, люди спокойно ждали пенсии и не боялись умереть от голода - но все же скучнее"*.

На этом фоне необычно смотрится рассказ молодой респондентки, которая ощущает произошедшее изменение ценностных ориентиров как моральную проблему. Это читается в той части ее рассказа, когда она объясняет, как ей пришлось нарушить негласные условия контракта военной службы (обещание не забеременеть во время срока контракта), *уйдя в "декрет" в период сокращения женщин-военнослужащих*. Вот как она комментирует эту ситуацию. Ж. 1975 г.р.: *"Тогда я считала это предательством. Сейчас это нормальный тест на выживание"*. Понятно, что чувствительность к моральным обязательствам, как и вообще умение их понимать, у разных людей различается во все времена. Тем более это касается молодежи, для которой моральные ограничители подчас играют условную роль и не рассматриваются в качестве регуляторов поведения даже на вербальном уровне. В обстановке, когда в ценностном строе общества на первый план выходит прагматическая целесообразность, а не моральность поведения, слова о *"предательстве"*, пережитом молодой респонденткой, представляют собой совсем уж редкую реакцию. Однако она интересна тем, что в ней ясно артикулировано произошедшее в *"эпоху перемен"* изменение моральных норм. Моральные обязательства перед обществом сменяет рациональный расчет и прагматичное поведение. Исследователи морали называют это переходом от традиционной морали, основанной на ценностях общности и неразвитости индивидуального начала, к рациональной морали современного социума, в котором поведение индивида прежде всего должно быть эффективным [23]. Проблема, однако, в том, что этому переходу сопутствует не только востребованная происходящими переменами рациональность, но и нарастание таких озадачивающих характеристик морального состояния общества, как цинизм, эгоизм или (если употребить более мягкую форму) моральный релятивизм. О нарастании их свидетельствует не только упрощенность прагматичных формулировок участников нашего конкурса, но и результаты

исследований последних лет. При этом перспективы развития рациональной морали тоже остаются неясными. Во всяком случае, предложение бороться с моральным релятивизмом "систематической моральной критикой рыночной экономики" [23, с. 12] кажется не очень убедительным.

Место заключения: Цинизм или "разумная реакция на мир"? Итак, если в повествованиях участников конкурса старшего возраста очевидна проблема привыкания к прагматизму "эпохи перемен", то в рассказах молодых этой проблемы, за редким исключением, уже нет. Но их прагматичное отношение к жизни и сопутствующий этому отношению моральный релятивизм нуждаются в ответах на вопросы, во-первых, культурных корней, культурного наследования; во-вторых, так называемых смысложизненных ориентаций. Ведь не могут же они быть только прагматичными. По всей видимости, ответ на эти вопросы зависит от того, с каких позиций оценивать движение ценностных ориентиров молодых в сторону прагматизма. Это движение трудно считать временным явлением, т.е. этапом модернизации российского общества. Ведь о релятивизации ценностных систем, недоверии к большим нарративам и тому подобных диагнозов современности говорят исследователи вполне модернизированного западного общества. Так, например, в своем подводящем итоги многолетним исследованиям труде "Индивидуализированное общество", известный философ и социолог З. Бауман доказывает, что *утрата традиционной морали - плата за вступление общества в эпоху постмодернити*, а нарастание нигилизма и цинизма является *"разумной реакцией на мир"*, в котором будущее оказывается под угрозой множества разнообразных рисков [24, с. 66]. Он полагает также, что в современном "индивидуализированном" обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба*, структурное принуждение. Если согласиться с этой точкой зрения, то утешением от нарастания прагматизма в нашем обществе может быть только одно. Становясь прагматичными, мы обретаем черты современного "индивидуализированного" общества - эффективного и оптимального. А пока проявившееся в историях разочарование в "эпохе перемен" участников конкурса старшего возраста и упрощенный прагматизм молодых подтверждают, что в перспективе возрастание прогрессивных адаптации будет зависеть не столько от индивидуальных усилий людей, сколько от особенностей институционально-структурной политики государства [12, с. 103].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голофаст В.В. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4.
2. Козлова Н.Н. Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
3. Голофаст В.В. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.
4. Турен А. Социальные трансформации XX столетия // Международный журнал социальных наук. Ноябрь. 1998.
5. Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6.
6. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
7. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. №1.
8. Козлова Н. Волны Российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
10. Ушакин С.А. "Мультикультурализм" по-русски, или о возможности педагогики постмодерна в России // Полис. 1997. №4.
11. Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
12. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3.
13. Козлова Н.Н. Упрощение - знак эпохи? // Социол. исслед. 1999. № 7.
14. Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый // Полис. 1999. № 3.
15. Константиновский Д. М. Динамика неравенства: Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999.
16. Константиновский Д.Л. Институт образования и социальное неравенство // Россия. Трансформирующееся общество (под ред. В.А. Ядова). М., 2001.
17. Вознесенская Е.Д., Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А. "Кончить курс и место достать...": исследование вторичной занятости студентов // Социологический журнал. 2001. М° 3.

18. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы. М.: Институт социологии РАН, 1998.
19. *Согомонов А.Ю.* Феномен "революции притязаний" в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы. М: Институт социологии РАН, 1998.
20. *Левичева В.Ф.* Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социол. исслед. 2001. №2.
21. *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис "классов" // *Пьер Бурдьё.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
22. *Руус П.* От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. 1993. №1/2.
23. *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социол. исслед. 2003. № 2.
24. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.